

Светлана Мерцалова

Запах магнолии

Светлана Мерцалова

Запах магнолий

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8485641

Запах магнолий / Светлана Мерцалова: Т/О "НЕФОРМАТ" Accent Graphics Communications; Montreal; 2014

Аннотация

“Любовь подчас жестока – она ломает судьбы, калечит, разрушает...”

Но как скучна и неинтересна была бы жизнь без этого чувства. Любовь может остаться сказкой, а может изменить реальность так, что будешь не рад. Можно расстаться, любя, а можно ждать любви всю жизнь и не дожждаться...

Отчего у одних любить и быть любимыми получается само собой – они словно живут в состоянии любви, а другие всю жизнь ищут, страдают, мучаются, клеймят обидами окружающих. Может они просто не замечают, что рядом находятся близкие люди, которым необходима их любовь? Может быть, стоит оглянуться вокруг? Увидеть ждущий взгляд своего же ребенка, печальные глаза брошенной собаки или выпавшего из гнезда птенца? Понять, наконец, что чем больше любви ты отдашь, чем шире раскроешь свое сердце и душу, тем больше любви получишь взамен. И не придётся метаться в бесплодных страданиях, в поисках неисповедимых истин...

Содержание

Запах магнолий	4
Прикоснувшись к чужой боли	12
И так каждый день	25
Из Бангкока с любовью	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Светлана Мерцалова

Запах магнолий

Рассказы

Запах магнолий

Аэропорт «Пулково». Семь часов утра. Ника ждет приглашения на посадку. Муж открыл ноутбук и работает.

Нигде время не движется так медленно, как в залах ожидания. Ника оглянулась по сторонам – привычная суета: одни пассажиры спешат получить багаж, другие успеть на рейс, таможенники делают досмотр...

Справа зажглось электронное табло «Милан», и пассажиров пригласили на посадку.

Милан – одно слово, а как зашло сердце... У каждого из нас есть место, куда бы мы хотели вернуться. Для нее – это Милан.

Однажды Ника была там влюблена и счастлива...

Это была ее первая поездка в Европу. Милан встретил Нику солнцем – ярким и ласковым. Темнела зелень деревьев, всюду толпились туристы, путались под ногами голуби... Пьяцца Дуомо, пьяцца-дей-Мерканти, замок Сфорце-

ско, Ла Скала...

И какой же Милан без шопинга?

На рецепции ей подсказали, что недорогие бутики находятся в квартале Navigli и объяснили как туда пройти. Вдоль канала тянулись букинистические магазины и лавки антиквариата, кафешки, небольшие бутики малоизвестных дизайнеров. В одном из них она купила себе пару красивых платьев. На обратном пути она свернула куда-то не туда и заплуталась среди узких, мощенных булыжником улочек.

– Can I help you? – услышала она за спиной вопрос.

Ника развернулась и встретилась с восхищенным взглядом карих глаз. Она ответила, что заблудилась и показала карточку отеля.

– Это за углом, – ответил он. – Пойдемте, я вам покажу.

Она последовала за ним, ей были приятны его покровительство и опека. По пути в отель они познакомились. Его звали Анжело.

– Вот ваш отель, – сказал он. – Если у вас есть время, то я показал бы вам Милан. Моя программа намного интересней, чем та, что предложена в вашем путеводителе.

Он обладал какой-то магнетической силой, которой невозможно было противостоять.

– Вечер свободен. Я только занесу сумки, – ответила Ника.

– Жду вас.

В номере Ника быстро приняла душ и надела новое пла-

ть. Припудрилась и слегка подкрасила губы. Внимательно посмотрела на себя в зеркало, выискивая несовершенства, но осталась довольна своим отражением...

Легкое марево дрожало над Миланом. Было жарко даже под зонтиками уличных кафе. Но Ника не замечала этой жары – ее шифоновое платье было так легко и прозрачно, что сквозь ткань можно было рассмотреть точеную линию ног.

– Мы выпьем мартини перед ужином, – сказал Анжело.

Они выпили за знакомство. Нике хватило и глотка, она уже была пьяна от счастья и обращенных на нее глаз Анжело. Они сидели на террасе, ниша со всех сторон была увита диким виноградом. Отсюда открывался вид на реку, сверкающую солнечными бликами. Играла музыка, настолько нежная, что щемила душу и была похожа на мечту, которая всегда красива, но никогда не сбывается...

Семена толстыми короткими ножками и широко улыбаясь, спешил хозяин.

– Это – синьор Бонелли. Если хочешь вкусно поесть, обращайся к нему. Так тебя больше нигде не накормят, – сказал Клод. – Чего ты желаешь на ужин?

– Не знаю. Ты должен мне помочь.

– Сейчас мы спросим синьора Бонелли.

– На твоём месте я бы для начала заказал копченую форель с кресс-салатом, а к ней у меня есть изумительное по вкусу «Шардоне». Это не вино, это – букет, – синьор Бонел-

ли сложил все пальцы вместе и поцеловал их.

...Risotto alla milanese...

...Carpaccio di polpo...

...Dessert savoiardi...

Это длилось минут десять, казалось – конца не будет. Итальянцы – гурманы во всем: и в еде, и в вине, и в любви...

Сквозь листья дикого винограда виднелись звезды, рассыпанные на черном бархатном небе. Вокруг зажженных свечей залетали ночные бабочки, шелестя крыльями.

– Хочешь чего-нибудь еще? – спросил Анжело, когда они покончили с десертом.

Нике стоило поднять на него глаза, как он все понял. Кинул деньги на стол и схватил ее за руку. Они поехали в ближайший мотель.

Только зашли в номер, как их кинуло к друг другу. Анжело нежно целовал ее, а Ника застонала от блаженства. С каждой секундой ее желание становилось все нестерпимей.

– Возьми меня быстрее, – просила Ника, вся трепеща от нетерпения.

И не было вокруг больше ничего – лишь их желание. Они уже не принадлежали себе, забыв обо всем на свете и мечтая, чтобы это никогда не кончалось...

Ti amo, – признался Анжело ей в любви.

Не один раз за эту ночь Ника умирала от счастья. Они уснули лишь под утро, сплетясь в объятиях...

Все подробности прошедшего дня всплывали в памяти. Нике не верилось, что один день может так изменить жизнь. Вчера она ничего об Анжело не знала, а сегодня не представляет жизни без него...

Они условились встретиться на следующий день. И снова было все великолепно. Анжело был так нежен, а весенний Милан так прекрасен. Вокруг цвели магнолии, и их дурманящий аромат кружил ей голову...

Вместе с ним самые обыденные вещи превращались в праздник. Анжело красиво ухаживал, красиво любил, и Ника постоянно любовалась им.

Ника ожидала встречи с Анжело с самого утра и тщательно готовилась, чтобы быть красивой для него.

Вечерами они бродили по лабиринту узеньких улочек, заглядывали в антикварные лавочки, пили *safe au lait* в маленьких уютных кафе, ужинали на прогулочном теплоходе. Не отрываясь, Ника смотрела на Анжело, упиваясь правом на обладание им...

Последний вечер, и ей хочется выглядеть особенно хорошо. Она решила сходить в тот же бутик и купить себе что-нибудь красивое.

Возвращаясь в отель, она увидела на переходе автомобиль Анжело. Ника его видела, а он ее – нет. В машине Анжело был не один. Рядом с ним сидела красивая итальянка и разговаривала, жестикулируя у него перед лицом. Чем она так

недовольна? На заднем сиденье сидел мальчик шести-семи лет. Нике трудно стало дышать. Это его семья, о которой Анжело ни слова не говорил. Сознание, что у него есть своя собственная жизнь, о которой она ничего не знает и в которой ей нет места, потрясло ее. Ника развернулась и пошла, придавленная разочарованием и обидой.

Она пролежала в номере весь вечер, свернувшись калачиком, не отвечая на звонки. Ника не вышла к нему, хоть Анжело и ждал ее до ночи.

Ей не за что было обижаться на Анжело – ведь он ничего не обещал. Он поступал с ней так, как поступил бы всякий другой мужчина – воспользовался ситуацией. Ника же не поинтересовалась в первую ночь, свободен ли он? И может ли она надеяться на продолжение? Он не давал клятв и ложных обещаний, а раз так, то у нее не может быть претензий к нему.

Италия – страна любвеобильных мужчин, что жаждут любви с первого взгляда. Наплевать, что дома ждет беременная жена и четверо детей. Он все равно будет клясться тебе в любви, и нужно знать их правила игры или ты всегда в проигрыше. Кем она была для Анжело? Случайным приключением? Одним из сотен?..

Нике словно накрыло туманом, она с трудом заставляла себя делать то, что должна была делать: разговаривать, есть, улыбаться, укладывать багаж.

Ей предстоит тяжелая работа – изгнать Анжело из своей

души. Она успокаивала себя тем, что воспоминания со временем сотрутся, и она сможет жить без этой боли...

Arrive-derci, Анжело!

Никогда – ни до, ни после она не расставалась, любя. С другими чувства угасали сами собой, отношения становились обыденными и, освободившись в очередной раз, она быстро забывала их, но не Анжело. Расставшись на пике любви, они не успели остыть друг к другу, и сказка навсегда осталась сказкой...

Через пару лет Ника вышла замуж – взвесив все за и против. Ей нужен был муж, с кем она могла быть защищенной: от старости, кризисов, нестабильности. Ведь любовь со временем уходит. Пока ты любишь, ты слепа, но любовь пройдет, и ты прозрела и видишь все недостатки партнера: не тот статус, не та зарплата. Ника стала старше и по-другому смотрит на жизнь – мы не всегда получаем от жизни то, чего ждали, а чаще – наоборот. Нужно лучше использовать ту ситуацию, которая есть, а не мучить себя тем, чего нет и никогда не будет...

* * *

Пригласили на посадку. Ника очнулась, стряхнув с себя остатки нечаянных воспоминаний. Муж аккуратно сложил ноутбук и встал, подав ей руку. Она еще раз оглянулась на

электронное табло с пятью магическими буквами – Милан. Смахнув незаметно слезу, прижалась к мужу.

«Он очень хороший, заботливый и любит меня...» – говорила себе она, словно доказывая тому, кто мог бы заподозрить, что нет у Ники к мужу любви, да и любить его не за что.

«Моя беда в том, что я не смогла разлюбить одного и не смогла полюбить другого – за то и наказана... Конечно, можно прожить без любви, но часто душит такая тоска, будто я потеряла что-то важное... Но все будет хорошо! Скоро придет весна, наступят теплые дни, и расцветут магнолии. И их сладкий аромат заполнит все комнаты...»

Прикоснувшись к чужой боли

Птенец сидел нахохлившись, с испугом озираясь по сторонам. Он только что выпал из гнезда и громко пищал, требуя маму. Вдруг из-за угла выскочили мальчишки и окружили его. Смеясь, они принялись тыкать в эту кроху палками.

– Смотри-ка, злится!

– Почему он такой дурак? Взял бы да улетел, – удивился рыжий.

– С кем бы мы тогда играли? – спросил самый крупный и щелкнул палкой рыжего по ногам.

Дима стоял чуть в стороне и наблюдал за происходящим. Ему казалось, что этот несчастный птенец смотрит на него и ждет помощи. Он сделал несколько шагов вперед, несмотря на головокружение.

«Только бы из носа не пошла кровь, а то мальчишки засмеют меня...»

Птенец затрепетал крылышками, пытаясь взлететь, но у него не получилось. Он неуклюже опустился в лужицу. Пока птенец выбирался оттуда, мальчишки громко кричали и смеялись. Дима подошел и дернул верзилу за рукав:

– Пожалуйста, отдайте мне птенчика, а то он не выживет, – дрожащим от волнения голосом попросил Дима.

Верзила презрительно посмотрел на него:

– Это наш птенец! Что хотим, то и делаем. Найди себе такого же и делай с ним, что хочешь. Отойди! – и чтобы доказать, что птенец принадлежит ему, он сильно ткнул в него палкой.

Птенец завалился на один бок и, хромя, попятился назад.

– Ему же больно! – крикнул Дима и сделал шаг вперед. – Можно я его заберу?

– Не лезь в наши дела! – зашипел верзила и толкнул его.

Не удержавшись на ногах, Дима упал. Кепка слетела с его головы, открыв на обозрение лысую голову.

– Так он еще и лысый! – заржал верзила.

Дима почувствовал, как у него сдавило горло, и глаза наполнились слезами. Изо всех сил он старался не заплакать, а побыстрее встать.

– Не нужно было его толкать, – неуверенно пробормотал рыжий.

– Я виноват, что он на ногах не держится? – ответил верзила.

Дима с трудом встал – колени у него дрожали, в ушах шумело, но ему не хотелось, чтобы кто-нибудь это заметил.

– Уйди! – завопил верзила. – Дай нам поиграть!

На миг Диме стало страшно – не за себя, а за птенца. Птенцу так нужна его помощь, а он от слабости не в состоянии помочь. Дима впервые почувствовал, что он кому-то нужен. Только он смог бы спасти птенца от издевательств мальчишек.

Но тут кровь предательски хлынула из носа. Мальчишки, замолчав, уставились на него.

– Это не я, – замотал головой верзила. – Я не бил его.

– Дима! Что ты там делаешь? – послышался за спиной голос мамы.

Мальчишки пустились наутек, а Дима подошел к птенцу и взял его на руки. Птенец был теплым, и мальчик почувствовал, как испуганно бьется сердце крохи. Он с нежностью подул на него, чтобы успокоить:

– Теперь ты мой. Никто не будет тебя обижать.

Лишь тому понятна чужая боль, кто в достатке испытал ее. Здоровые дети подчас жестоки, ведь они не ведают, что в мире существует горе...

Руки матери легли Диме на плечи:

– Пойдем домой.

– Мы возьмем его с собой?

– Да, конечно, – ответила мать и присела рядом. Она платком вытерла кровь с лица и надела ему на голову шапку.

В коробке из-под обуви Дима устроил гнездышко для своего маленького друга. Накрошил ему хлеба, но птенец не стал почему-то клевать:

– Мама, он не ест! Почему?

– Он еще маленький и не умеет есть. Мама-скворчиха кормит его птичьим молоком.

– Что же делать?

– Мы ничего не можем сделать, – сказала устало мать, но, заметив, что глаза сына наполнились слезами, обняла. – Тебе нельзя волноваться, а то снова пойдет кровь. Нужно принять лекарство и полежать.

– Что с ним будет? Не могу я лежать!

Но голова опять закружилась и задрожали колени. Ему стало трудно стоять на ногах. Мать взяла его на руки и отнесла в кровать:

– Выпей лекарство, а насчет птенчика мы что-нибудь придумаем.

Она поправляла ему подушку и бережно подоткнула одеяло. Дима смотрел на нее, а в его глазах застыла боль от пережитых страданий, тяжелых не по годам.

– Ты только не волнуйся. Тебе нельзя, – шептала она.

Голос матери убаюкивал. Дима закрыл глаза и задремал.

И тут на Веру навалилась дикая усталость, ставшая привычной. Она легла рядом и прижала к себе сына, словно пытаясь защитить его от новых испытаний. Сколько их уже выпало на его долю? И за что?

* * *

Рождается ребенок – мамина радость: любимый, желанный. Первая улыбка, первое слово, первые шаги, первые зубки...

Вдруг ему неожиданно становится плохо. Как-то утром он

пожаловался на головную боль и тошноту, а через сутки снова. Врач направил нас на обследование. Прозвучал страшный приговор – лейкоз. Приговор, не подлежащий обжалованию. И с этого дня жизнь превратилась в ад...

Капельницы, капельницы, капельницы... Уже некуда ставить – все вены исколоты. Диме с каждым днем все хуже, он худеет, так как не может ничего есть. И нет у него сил даже плакать, он лишь тихо скулит.

– Почему не я? Почему так должен страдать мой ребенок? – то был ее вопрос богу ежедневно, но не было на него ответа...

Когда приходит горе, начинаешь верить во все: и в бога, и в сверхъестественное...

Вера побежала в церковь, хотелось хоть какой-то поддержки и объяснений. Батюшка, выслушав, спокойно ответил:

– На все воля божья. Неисповедимы пути господни и никто не виноват. Господь наш ниспосылает нам многие скорби на нашем пути к жизни вечной. И мы должны их смиренно переносить...

Как много слов, но где ответ? Из всего сказанного Вера так и не поняла, что ей делать. Если так распорядился бог, то остается только смириться? Но смириться она не может, даже если Господь все решил за нее! Не может она потерять своего ребенка! Сын – это часть ее, смысл ее пребывания в этом мире. Разлука невозможна!

Она посмотрела на мадонну с младенцем, висящую в изголовьи кровати, и невольно перекрестилась. Она виновата перед богом, вот он и послал ей испытания...

Связь с женатым мужчиной, что длилась несколько лет...

История стара, как мир: мужчина покориł ее сердце, дав надежду на совместное будущее, но о том, что он женат – сказал не сразу. Когда Вера узнала об этом, то было уже поздно – она не могла существовать без него. Пришлось смириться...

Тяжела и унижительна участь женщины, ждущей звонка от любимого, чтобы побыть с ним пару часов, скрываясь от всех. Что это было: любовь или страх перед одиночеством? Наверное, и то, и другое...

С одной стороны – страх одиночества, что стирает любые нормы и запреты. Так страшно, когда некого ждать. Уходя на работу, Вера оставляла свет и телевизор включенными, чтобы по возвращении домой слышать хоть чей-то голос и не входить в темную комнату.

Часами смотрела на окна домов, наблюдая чужую жизнь. Люди садились ужинать, устраивали вечеринки, ругались... Одиночество сводит с ума, ведь природой заложено, чтобы человек жил в социуме – имел партнера, рождал потомство...

И есть другой страх – страх разрушить чужую семью, но желание быть любимой так сильно, поэтому и живешь в об-

мане и иллюзиях до поры, до времени...

Когда любимый уходил, Вера впадала в депрессию, жизнь теряла смысл. И все вокруг оживало, когда он снова был с ней. Вера не могла ему позвонить, у них была односторонняя связь. И вообще – все в их отношениях решал он, она могла только подчиняться. Приходилось играть по его правилам, поэтому она и была обречена на поражение.

Находясь в этом раздвоенном состоянии, Вера каждый день говорила себе: это было в последний раз, мы больше не должны видеться. Так думала она, но в то же время знала, что не уйдет. Это было наваждение, помутнение рассудка, одержимость...

Любовь подчас жестока – она ломает судьбы, калечит, разрушает...

И вдруг Вера беременна. Сидит перед доктором и слышит слова: для многих – обычные, а для кого-то и нежеланные: «Поздравляю, вы скоро станете матерью!».

И ни секунды Вера не сомневалась – она хочет этого ребенка и вырастит его сама. Это будет ее ребенок и только ее.

Каждая влюбленная женщина хочет ребенка от любимого, и чтобы он был похож на него. Тот, кого она любила, никогда ей не принадлежал, но у нее будет его дитя. Частица его, его подарок – повторение его самого...

Это необыкновенное чувство, когда клетки любимого растут в женщине. Зарождение внутри тебя новой жизни – ни с чем не сравнимое чувство, и Вера наслаждалась этим,

обидно, что одна.

Дима родился раньше срока, очень слабым. Вера не отходила от него ни на шаг, и к годику он окреп. Отец навещал поначалу, гулял с ним в выходные. Когда узнал о болезни, то резко изменился. Почувствовав холод смерти, он стал реже появляться, а потом и совсем пропал.

Все легло на ее плечи. Разговоры с врачами, которые отводили глаза, часто не в силах сказать правду. Ожидание в больничном коридоре, где у малыша брали кровь, пункции. Потом началась химиотерапия. Лишь прошедший то же в состоянии понять, какой это ад: и для ребенка, и для его родителей. После первой процедуры у Димы сразу пропал аппетит. Его рвало, стоило ему съесть что-нибудь. Она сама от усталости не могла ни спать, ни есть. Часто ей казалось, что она видит какой-то кошмарный сон, и все это происходит не с ней...

Каждый раз, как иглу вводили в его истерзанную вену, у Веры сердце разрывалось от боли за него. Дима лежал на кровати и смотрел на нее широко раскрытыми глазами, не показывая, как ему больно. Он даже пытался улыбнуться и от этой улыбки ей становилось тяжелее. Если бы он плакал или стонал, как другие дети, Вере было бы легче, только не это молчаливое терпение. Ей часто хотелось крикнуть:

– Плач! Кричи! Не нужно себя сдерживать! Так будет легче!

Но крик замирал у нее в горле, и она молчала, лишь тихо сидела около сына все ночи. Когда во сне его лицо искажала гримаса боли, она клала свою руку ему на лобик, и лицо расслаблялось. Какая мука видеть каждый день – такой малыш, а уже выстрадал столько, что и вообразить не в силах.

Ну почему дети должны расплачиваться за наши грехи?

– Грехи родителей становятся грехами детей, и они расплачиваются за них как за свои – сказано в библии, – ответил ей священник.

– Но я хочу сама нести наказание! Или так бог меня наказывает через моего ребенка? Тогда это жестоко! – крикнула она.

– Если у вас больной ребенок, значит помыслом Божиим это было устроено ко спасению. Не случись этого, родители не пришли бы к Богу. Жизнь – пустяк по-сравнению с вечностью. Если бы люди видели, какая награда ожидает праведника, готовы были бы всю жизнь мучиться и принять страшную смерть...

Вера слушала и думала, что он сам бы сказал, если бы его ребенок лежал сейчас в онкологическом отделении? Продолжал бы думать, что жизнь – пустяк?..

У нее свое отношение к богу, так часто карающего и редко милующего, но ей часто нужны слова утешения, как тяжело подчас молчать. Но кому интересны чьи-то переживания? Вне стен больницы люди не хотят слышать об этом. Они опускают глаза, молчат или невнятно сожалеют, пыта-

ьясь абстрагироваться. Их можно понять, зачем кому-то чужое несчастье? У всех полно своих проблем. И нужны ли ей чье-то сочувствие и жалость? Вера могла говорить только с матерями, что обречены пройти через те же муки и рыдать теми же слезами. Только друг перед другом они раскрывали израненные сердца. Они давно разучилась улыбаться, а их жизнь – нескончаемая боль. Зная цену жизни, они редко жалуются...

Вера вообще никогда не жаловалась. Жаловаться – это расписываться в своем поражении, а у нее еще есть силы бороться, чтобы смерть не унесла сына.

Даже в мыслях она не думала о худшем. Вера боялась силы сказанного слова. Пока оно не произнесено вслух, оно в бездействии. Если думать о неудаче, то можно непроизвольно привлечь ее...

Больничная палата, потерянная в пространстве и во времени. Здесь не властно время – раз попавши сюда, сложно вернуться обратно. И всюду запах отчаявшихся надежд и присутствие смерти. Тут даже по стенам льются слезы. По коридорам в инвалидных колясках катают деток – лысых и в масках. Воздух спертый, ведь форточек тут никогда не открывают – боятся простудиться. И редко проникает солнечный свет...

Утром Диме захотелось посмотреть на улицу. Вера помогла ему добраться до окна. Светило солнце. За больничным

забором была другая жизнь. Неслись автомобили, люди куда-то спешили. Мамочки катили перед собой детские коляски. Мальчишки весело шлепали по лужам и громко смеялись. Дима с завистью смотрел на них. Как бы ему хотелось вот так же бегать и смеяться! Вера крепче прижала его к себе.

– Им хорошо – они не болеют, – грустно сказал Дима.

– Ты тоже скоро поправишься, – сказала Вера, но голос ее дрогнул.

– Почему я? – спросил он.

Что она могла ему ответить? Тем же самым вопросом Вера задавалась ежедневно. За что такие муки? Сегодня еще молоденькая медсестра не сразу попала в вену, когда ставила капельницу. Мало ему боли?

– Они знают, что будут делать завтра, – сказал Дима.

Самое страшное, что ты не можешь планировать будущее. Дальше завтра не загадываешь – все зациклено на текущем моменте. Ведь никто не знает, что ждет его завтра. Вера держала узкую холодную ладошку сына, делясь своим теплом, и не знала, что ответить:

– Поверь мне, мы выкарабкаемся. Я тебе обещаю!

На какой-то момент они победили болезнь. Два года передышки и все по новой...

Проснувшись, Дима встал и, несмотря на головокружение, пошел к птенцу. Тот сидел с закрытыми глазами. Дима осторожно погладил его, но птенец был холодный и жесткий. Дима понял, что тот мертв. Он громко зарыдал. На его плач прибежала мать. Все поняв без слов, она обняла Диму.

– Не плачь, он бы все равно не выжил. Выпавшие из гнезда птенцы никогда не выживают.

– Почему?

– Так устроена жизнь: если ты выпал из гнезда, то ты пропал.

– А я... тоже выпавший из гнезда? Ведь я тоже, – Дима запнулся на секунду. – Может быть, не выживу...

Мать прижала его к себе, задыхаясь от душивших ее слез:

– Ты выживешь. Кто сказал тебе, что ты не выживешь?

– Я слышал, как врач тогда сказал, что нет гарантии на...

Мать прижала его к себе, закрыв ему рот. Она не могла слышать эти слова. Только не от него.

– Врачи тоже иногда ошибаются, – сказала она неуверенно.

– Это хорошо, что ошибаются, – успокоился Дима.

Своя смерть мало волновала, а вот смерть птенца разрывала ему сердце. Мать прижала к себе содрогающееся от плача тельце сына. Ее сердце сжималось от безысходности, она

бессильна чем-либо помочь ему. Она бы отдала часть себя, свое здоровье и даже жизнь только бы уничтожить эти метастазы, что убивают ее дитя. Страшно, когда не можешь помочь своему самому родному человеку, и самое страшное – пережить его. И нужна ли матери ее жизнь после? Ведь родители должны уходить первыми, а не дети!

Дима прижимал к себе мертвого птенца, а горе и чувство вины душили его – он уснул и ничего не сделал, чтобы помочь своему другу.

Весь вечер они сидели, тесно прижавшись друг к другу. Дима оплакивал смерть птенца, а мать готовилась к завтрашнему дню... Ей снова предстоит борьба за жизнь своего ребенка, и она будет бороться до конца...

И так каждый день

Сквозь трескотню динамиков пробивался гнусавый голос диктора: «Будьте осторожны, отойдите от края платформы...».

Послышался гул приближающегося поезда и скрежет железа...

Состав остановился, и в этот момент все пришло в движение: к поезду заспешили попрошайки, носильщики с тележками, бабки, что тащили на себе клетчатые сумки размером чуть ли не с саму бабку.

Поднявшись, я двинулся поближе к вагонам. Может, и мне чего перепадет...

Я – Даймонд, так во всяком случае меня звали в той семье, где я вырос. Это было хорошее время: у меня был дом, каждое утро меня водили гулять, кормили. Когда все уходило, я дремал на своем месте. Вечером семья возвращалась домой. Хозяин, не раздеваясь, брал меня за поводок и выводил на улицу. Потом мы все ужинали – они за круглым столом, а я в своем углу. Покончив с ужином, мы садились смотреть телевизор. Хозяин чесал мне за ухом, а я дремал, прикрыв лапой морду и подоткнув хвост под бочок, наслаждаясь своим собачьим счастьем. Все было замечательно до того дня...

В этот день хозяин вернулся очень расстроенный и меня

даже не повели гулять, а сразу дали поесть. Они закрылись в другой комнате, долго спорили, ругались, мальчик плакал. Хозяин позвал меня и повел в машину. У меня было нехорошее предчувствие, и оно меня не подвело.

Ехали так долго, что закончились городские огни. Заехав в лес, мы вышли из машины, и хозяин снял с меня ошейник. Подняв с земли палку, он отшвырнул ее подальше. Все как всегда, ведь мы часто так играли. Пока я бегал за палкой, он запрыгнул в машину и умчался. В первую секунду я ничего не понял и стоял как идиот с палкой в зубах, а потом погнался за ним со всех ног. Как бы я ни набирал скорость, его мне было не догнать – машина всегда быстрее...

Я бежал так быстро – ветер свистел в ушах, но вдруг упал почти без чувств. Кровь стучала у меня в голове, а сердце, казалось, вот-вот лопнет. Тут я понял, что меня бросили.

Стало так тоскливо. Я лежал и выл на луну, бездушно смотревшую на меня, и никому не было дела до моего горя. Впервые я узнал, что такое одиночество...

Иногда это чувство посещало меня, когда все уезжали на несколько дней. Но тогда ко мне приходил сосед, гулял со мной, клал в миску еду, а я терпеливо ждал своих, и они всегда возвращались. Ребенок, не снимая обуви, кидался ко мне на шею, крутил мне уши, щекотал живот. Хозяин оттаскивал его от меня, вел гулять, кормил. От счастья я лизал всем руки и вилял хвостом.

Этой ночью я понял, что больше никто не придет ко мне,

не будет крутить мне уши и не накормит...

Постепенно выбрался из леса, и вот я живу здесь – рядом с вокзалом, почти сроднился с ним. Но я не один – нас много, таких вот горемык, выброшенных хозяевами на улицу.

Целый день я брожу между вагонов в надежде, что хоть кто-нибудь бросит кусок, но все тщетно. Сытые люди слепы к голодным. Они пышут здоровьем и благополучием, и незачем им видеть голодную псину – это может испортить настроение или, не дай бог, нарушить процесс пищеварения, ведь для них потребление пищи самое святое, потому они целый день жуют, жуют, жуют...

Я чувствуя себя лишним на этом празднике обжорства, потому что как никто другой знаю, что такое голод. Голод стал моим постоянным спутником и уже никогда не покинет меня.

Как тяжело быть вечно голодным, но вдвойне тяжелее голодать среди завалов пищи. Мой желудок сжимается от голода, а вокруг – одни жующие челюсти, не останавливающиеся ни на секунду, масляные пальцы, что пихают в рот еще и еще куски пищи; и опять жуют, запивая все чем-то ядовито-оранжевым...

Поезд ушел, а в моем животе так же пусто, как и раньше. Я подошел к брошенной бумажке от мороженого и облизал ее. Тетя Груня – одна из торговок, с вечно слезящимися глазами и сморщенным, как печеное яблоко лицом, пожалела меня

и кинула кусок беляша. Она хоть и пьяница, потерявшая человеческий облик, но не все человеческое в ней умерло, она еще в состоянии сострадать. Это редкое чувство – сострадание – уже вымерло в нашем обществе за ненужностью. В век высоких технологий такие глупые чувства не нужны, они лишь мешают.

Смеркалось, свинцовые тучи заволокли небо, закапал крупный дождь. Прохожие, укрывшись зонтами, бежали домой, где их ждали вкусный ужин и теплая постель. А я брел по улице, утопая в жидкой грязи, по темным переулком в чужом городе. Нашел пустой подвал и улегся. Тут сыро, холодно, в животе пусто, а на улице дождь, слякоть...

Смотрю на окна и знаю, что в человеческом жилье тепло и сухо, люди сейчас ужинают, и пахнет вкусной пищей. От этих мыслей стало еще грустнее...

Как часто, когда я ходил по улицам, мне казалось, что узнаю своего хозяина! С замирающим сердцем я бросался вслед, скуля от радости, но это был не он...

Каждую ночь я вижу один и тот же сон: сплю и слышу грохот лифта на лестничной площадке, стук каблучков, скрежет замка и детский визг...

Открывается дверь, и я, одурев от счастья, виляю хвостом и лижу те руки, что любовно ласкают мой загривок. Ребенок дергает меня за уши, трогает мне нос, а я благодушно покоряюсь и тут... просыпаюсь...

Вокзал живет своей жизнью – это государство в государстве, со своими законами и порядками. Для простого обывателя – это место встреч и расставаний, а для нас, бездомных – дом родной...

Целый день я лежу на перроне, люди равнодушно проходят мимо, обходят, а иные перешагивают через меня, даже не замечая...

На соседний путь пришел московский поезд. Из него вывалилась очередная толпа голодающих. Они рванули к лоткам, сметая на ходу беляши, орешки, чипсы, кириешки, хрустики, сникерсы... Лотки, заваленные жратвой, пустеют. Как люди боятся быть голодными! Или они готовятся к третьей мировой, нагуливая жирок?

Девочка с круглым личиком стоит чинно – вся пухлая, розовая. Она ест шоколадный батончик. Рядом стоит ее мамаша и цедит джин-тоник из баночки. Девочка увидела меня и подошла поближе.

– Не трогай его. Он заразный, – резко останавливает её мать. – Лежит тут... шелудивый...

Девочка состроила брезгливую гримасу и отошла в сторону. Я положил морду на пол и закрыл глаза. На душе стало так тоскливо.

– Развелось их, – не унималась мать. – И куда только санэпидемстанция смотрит?

Какое обидное слово – развелось. Не развелось, а вот конкретно такие люди, как эта дамочка, выкидывают нас на ули-

цу, и мы живем, плодимся, болеем, никому не нужные. Вот такие только и ждут от санэпидемстанции, чтобы нас убрали с глаз долой.

Меня приручили, а потом выкинули на улицу как старую ненужную тряпку, а ведь я живой...

Голодный возвращаюсь в свой подвал, грохочет гром, в морду хлещет дождь, я весь промок, а в животе так пусто. Никто не позовет меня в дом, чтобы обогреть и накормить. Мне жалко себя, так жалко, что сердце рвется на части.

Напротив подъехала огромная фура, груженная продуктами. Завтра с утра прилавки магазинов должны ломиться. К открытию магазина тут уже не протолкнуться – армия домохозяйек кинется заполнять корзины...

И так каждый день...

Из Бангкока с любовью

Белоснежный лайнер «Thai Airways» уже на взлетной полосе.

«Бангкок» – зажглось электронное табло. Я рванул к пропускному пункту и, получив посадочный талон, шагнул в бездонную пасть терминала...

– Саватди-ка!

Встречают меня, сложив ладошки лодочкой, тайские красавицы – нежные, как орхидеи.

Путешествие обещает быть приятным!

Прохожу на свое место и пытаюсь запихнуть ручную кладь, делая вид, что не влезает.

– Can I help you? – слышу я за своей спиной.

От одного голоса я ощутил, как жар охватывает мое тело.

– Of course.

Стюардесса приблизилась ко мне, обдав запахом жасмина. Кожа цвета ивори, тонкие запястья, миндалевидные глаза...

После того как мой грязный рюкзак был запихан ее нежными ручками, она еще и поблагодарила меня.

Моей экс-подружке, с которой я расстался, такое бы в голову не пришло. Я был должен ей все и всегда, но этот же глагол в женском роде у нее не склонялся. Нагрузив, как ишака, она даже понукала меня, как вьючное животное, считая, что

я должен ей быть благодарен в любой ситуации. От нее же слов благодарности я не слышал ни разу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.